

Юридическая наука как диалог

Р.В. Насыров

Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

Science of Law as a Dialogue

R. V. Nasyrov

Altai State University (Barnaul, Russia)

Рассматривается коммуникативный аспект научной деятельности в сфере юриспруденции. Ценность коммуникативной парадигмы гуманитарных исследований состоит в возможности противостоять процессу анонимизации (обезличивания) социального бытия. Предлагается рассматривать юридическую науку как диалог представителей различных направлений в трактовке права. Отмечается многозначность термина «право» и обращается внимание на недопустимость в юридических исследованиях игнорирования формального характера позитивного права. Право в общественной жизни реализует функцию обеспечения возможности социального диалога, определяет его форму и выступает в качестве условия достижения общественного компромисса. Указывается на опасность излишней юридизации общественной жизни и отождествления живого социального диалога с его юридическим оформлением. Автор обосновывает недопустимость смешения юриспруденции с философией, социологией и иными гуманитарными науками. Прикладной характер юриспруденции предполагает особое понимание истины в юридической науке. Истинными признаются законы, которые не только соответствуют общепризнанным идеям и принципам, но и позитивно реализуются на практике.

Ключевые слова: диалог, гуманитарные науки, коммуникативный аспект, юридическая наука, предмет юриспруденции, истина в юридической науке.

DOI 10.14258/izvasu(2017)3-03

Постановка вопроса о диалогической (коммуникативной) трактовке юридической науки перекликается с самим названием монографии И.Л. Честнова «Право как диалог: к формированию новой онтологии правовой реальности». В этой монографии право рассматривается в качестве «механизма воспроизводства, функционирующего как диалог между идеальным и материальным его началами» [1, с. 72]. Но определение права как «диалога между общественными

The article touches upon the communicative aspect of scientific activity in jurisprudence. The value of a communicative paradigm for humanities research lies in the ability to resist the process of de-identification of social existence. The science of law is supposed to be a dialogue of representatives of various legal conceptions. The ambiguity of the term "law" is noted and the attention is given to the inadmissibility of legal studies to ignore the formal nature of positive law. The right in public life realizes the function to enable social dialogue, determine its shape and acts as a condition to achieve social compromise. The article indicates the danger of excessive legalization of public life and identification of the living social dialogue. The author gives the grounds of the inadmissibility to mix jurisprudence and philosophy, sociology and other humanities. The applied nature of law requires a special understanding of truth in legal science. True laws are the laws that not only meet the generally accepted ideas and principles, but are positively implemented.

Key words: dialogue, humanities, communicative aspect, science of law, object of jurisprudence, truth in legal science.

отношениями и нормой» [1, с. 69] является удачной метафорой проблемы соотношения нормативного и индивидуального регулирования, значимость которой не отрицается представителями даже нормативистской школы права [2, с. 77–78]. Целесообразнее рассматривать позитивное право в качестве аспекта или условия социального диалога, обеспечивающего его форму. Существует опасность излишней не только этатизации, но и юридизации общественной жизни

и смешения живого социального диалога с его юридическим оформлением. Не отрицается само явление и понятие «юридический диалог». Но по отношению к цели, выраженной в известной фразе Антуана де Сент-Экзюпери «Единственная известная мне роскошь — это роскошь человеческого общения», правовая коммуникация является не самоцелью, а условием и предпосылкой непосредственного социального общения.

Ценность коммуникативной парадигмы гуманитарных исследований состоит в возможности противостоять процессу анонимизации (обезличивания) социального бытия и в признании того, что участниками диалога могут быть только люди, как носители сознания, воли и, следовательно, свободы и внутренней ответственности. М.М. Бахтин обосновал, что диалог возможен только между субъектами, и если автор говорит о диалоге текстов, то он настойчиво требует видеть за ними авторов и воспринимать тексты как их высказывания: «Только высказывание может быть верным (или неверным), истинным, правдивым (ложным), прекрасным, справедливым и т.п.» [3, с. 318]. Диалогический характер культуры отражается и в праве. Так, предметом правового регулирования выступает не просто поведение субъектов права, а определенные аспекты их социального взаимодействия. Поэтому можно предположить, что М.М. Бахтин признал бы правоту цивилистов в их остроумном суждении, что до появления Пятницы на острове Робинзон Крузо не был собственником используемых им вещей, так как некому было заявить (высказать), что эта вещь моя.

В.С. Нерсисянц утверждал, что предмет правового регулирования — это «не сами по себе объекты правовой регуляции (фактические общественные отношения), а определенный правопорядок, устанавливаемый в сфере объекта правовой регуляции» [4, с.435]. Поэтому в теории права предметом правового регулирования выступают те аспекты общественных отношений, которые могут быть подвергнуты внешнему контролю. Примером непосредственного (неформального) общения может быть семья, основанная на любви, бескорыстии, искренней заботе и т.д., то есть началах, которые не могут быть юридически определены и обеспечены. Право устанавливает форму заключения брака, гарантирует материальное обеспечение несовершеннолетних и нетрудоспособных, запрещает жестокое обращение с домочадцами и т.д. Но реализация всех этих норм еще не означает, что существует семья как особый интимно-непосредственный диалог. Скорее сам факт, что эти нормы требуют широкого государственно-юридического обеспечения, является симптомом кризиса семьи.

Игнорирование формально-условного характера позитивного права и отождествление непосредственного диалога с юридической коммуникацией

приводит к упрощенным решениям фундаментальных социальных проблем. Примером может служить юридизированное понимание свободы как права делать то, что не запрещено законом. Попытка «выправить» это узко-формальное определение свободы отождествлением права и нравственности приведет лишь, по словам В.С. Нерсисянца, к морализации права и юридизации морали [5, с. 190]. В результате такого смещения выхолащивается как инструментальная ценность позитивного права, так и абсолютная ценность нравственности. Необходимо признать, что нравственность и закон соотносятся не как идеал и копия, а как цель и средство.

Формально-опосредованный характер юридической коммуникации проявляется в том, что в структуру правоотношения включаются его участники, субъекты права, тогда как философское понятие общественного отношения исходит из того, что это социальная связь между людьми. В.Н. Протасов пишет: «Видимо, особый взгляд на правоотношение, отличающееся от общефилософского понимания отношения, обусловлен объективной потребностью правовой теории именно в такой теоретической конструкции» [6, с. 43]. Но речь идет не просто о сформулированной учеными удобной научной конструкции, а о специфике юридического взаимодействия, в которое человек вступает не всем своим существом, а лишь в аспекте соответствующего юридического статуса. Неслучайно римские юристы для обозначения субъекта права использовали слово *persona*, которое первоначально имело значение «маска». Субъекты права, образно говоря, играют определенные «юридические роли» и именно в этом смысле являются элементом структуры правоотношения.

В философии и психологии различают «аутентичное Я» и персону, то есть индивида, как он представляется другим. Личность как «аутентичное Я» характеризуется высоким уровнем самосознания и свободным, без внешнего воздействия, следованием определенным ценностям и принципам. Поэтому Сенека, как философ, был прав, когда утверждал, что «мысль о преступлении уже преступление». Но юристы в рамках своей профессиональной и научной деятельности не могут следовать словам Сенеки, так как правонарушением может быть только деяние, и анализ субъективной стороны (вина, мотив, цель) осуществляется в контексте квалификации внешнего акта поведения. Эта специфика предмета правового регулирования и соответственно предмета правовой науки отражается в юридических определениях и терминах. Так, вполне обоснованно в понятие толкования включается процесс не только внутреннего уяснения смысла правовой нормы, но и ее разъяснения. Обоснованным в юриспруденции признается то, что соответствует не только реальному бытию, но и формализованным нормам права. Социолог мо-

жет доказать общественную опасность данного вида деяния, но юрист не назовет это деяние преступлением до тех пор, пока соответствующий состав не будет включен в уголовный закон. Сам факт, что в теории права к правомерному относится конформистское и даже маргинальное поведение, свидетельствует о формально-условном характере юридического взаимодействия.

Трудности в обосновании формально-условного характера позитивного права объясняются тем, что термин «право» имеет множество значений. Поэтому общий вопрос «Что такое право?» известный представитель аналитической философии XX в. Дж. Остин назвал бы методологически некорректным, так как считал: «Говорить, что слово или выражение „имеет значение“, означает предполагать, что существуют „наделенные значением“ предложения, в которых они могут быть употреблены. Знать же значение, которым обладает слово или фраза, означает знать значение предложений, в которых они употребляются» [7, с. 77]. Право — это многообразный в своем проявлении социальный институт, и дискурс о праве осуществляется не в каком-то нейтральном социальном пространстве, а в определенном его сегменте. Часто в дискуссии о сущности права приходится напоминать правоведам, что адресатом их рассуждений по этому вопросу выступают не философы или социологи, а прежде всего будущие или уже практикующие юристы, и притязание юристов на «свое» понимание права вполне обоснованно. Поэтому заслуживает внимания предложение о следовании методологическому и процедурному требованию проведения научных исследований о праве — указывать на то, в каком, юридическом или неюридическом, смысле употребляется это слово [8, с. 61–62].

При этом не отрицается, что инструментальная ценность позитивного права предполагает, что понять его сущность и назначение исходя из самого права невозможно; правоведы не могут не выходить за пределы собственно юридической материи. Но весь вопрос в том, на каком этапе научного исследования и с какой целью ученый-юрист учитывает философские, социологические, политологические и иные аспекты функционирования права. В отличие от других гуманитариев правоведа не может абстрагироваться от таких характеристик права, как формальная определенность, общеобязательность, нормативность, связь с государством, реализуемость и иных. В противном случае он перестает быть юристом, а становится философом, социологом и т.д. Так, термин «источник права» употребляется во множестве смыслов: материальном, историческом, идеологическом, доктринальном, информационном и т.п. Но, признавая это многообразие значений, нельзя забывать о многочисленной корпорации юристов-практиков, для которых источник права — это прежде всего источник юриди-

ческой нормы, ссылка на которую и делает акт реализации права нормативно и официально обоснованным.

Исходной характеристикой юриспруденции является определение ее как науки прикладной, что соответствует и трактовке права как особого социального института. Российская правовая наука, представленная в многочисленных трудах ученых-юристов, характеризуется стремлением обосновать и исчерпать все возможные концепции того или иного правового явления. В целом это многообразие соответствует методологическому требованию всестороннего изучения предмета науки. Но установка на предельную теоретизацию в российской правовой науке удивительным образом сочетается с низкой эффективностью самой юридической практики; во многих своих теоретических построениях юридическая наука как бы автономна и следует собственной логике развития. Нередко основным доводом в обосновании той или иной концепции служит возможность формулировки той или иной научной конструкции: «Эта концепция допустима, так как она может быть „вообще“ и выражена научным языком». В качестве иллюстрации искусственных теоретических построений О.В. Мартышин приводит классификацию функций права вплоть до функций отдельной нормы права и иронизирует: «Представляется, что можно пойти еще дальше и в рамках функций нормы права говорить о функциях гипотезы, диспозиции и санкции» [9, с. 18].

Необходимо исходить из методологического требования — каждому общетеоретическому юридическому понятию должно соответствовать проблемное поле конкретных и типичных правовых ситуаций. Поэтому юридическую науку в коммуникативном аспекте можно трактовать как диалог с участием не только правоведа, но и юристов-практиков. Категориальный аппарат общей теории права должен соответствовать реально существующему предмету правового регулирования. Когда это требование не учитывается, могут возникать концепции, носящие скорее не юридический, а философский, социологический и иной характер, т.е. выходящие за пределы предмета собственно юриспруденции. Прав Н.Н. Тарасов, когда обосновывает, что «методологические проблемы юридической науки в современный период являются делом самой юриспруденции и не могут решаться путем простого переноса исследовательских средств из философии, метатеорий и других наук» [10, с. 218].

В богословии или философии оправданно как самоцель сохранение чистоты идеи и принципов веры. И в юриспруденции есть основополагающие идеи и принципы, но прикладной характер этой науки предполагает признание критерием истинности юридических норм также их реализуемость и эффективность «здесь и сейчас». Так, правоведа может быть преданным сторонником демократии, хранить верность ее идеалам, но при этом разрабатывать конституционно-

правовые конструкции авторитарного государственного режима как переходного этапа от тоталитаризма к демократии. Но часто российские правоведы, игнорируя реалии переживаемого обществом данного этапа развития, разрабатывают законопроекты как некие научно-идеологические трактаты. При этом в самой общественной жизни происходит профанация тех идей и принципов, которые так безоглядно и поспешно стремились реализовать их сторонники.

Трактовка юридической науки как диалога позволит сделать более конструктивной неизбежную для научного дискурса полемику. Так, существование огромного числа подходов к определению права объясняется тем, что в основу трактовки права можно положить тот или иной элемент правовой системы общества. Нормативисты рассматривают право сквозь призму правовых текстов, сторонники «широкого» понимания права — через категорию правовой деятельности, а представители естественно-правовой или «исторической» школ права определяют право соответственно через универсальное или национальное правосознание. В каждой концепции есть своя истина, и не стоит преувеличивать их антагонизм. Теории различаются скорее акцентами и стремлением обосновать первичность того правового явления, которое взято за отправную точку в определении права в целом. Поэтому, по словам О.Э. Лейста, «любое понимание права столь же верно, столь и уязвимо» [11, с. 8]. Но диалог не означает, что одновременно должны звучать несколько голосов. Кому «давать слово» в первую очередь в этой дискуссии о сущности права? Ответ на этот вопрос содержится в следующих

суждениях Н.Н. Тарасова: «Не существует механизмов гарантированного отбора юридической практикой среди конкурирующих научных положений наиболее обоснованных и состоятельных. Какие из теорий действительно востребуются практикой, во многом зависит от состояния самой практики, от общей социокультурной ситуации» [12, с. 9].

В заключение несколько слов об интегративной концепции права. М.М. Бахтин предостерегал: «Не может быть и речи об эклектике: слияние всех направлений в одно единственное было бы смертельно науке [...] Чем больше размежевания, тем лучше, но размежевания благожелательного. Без драк на меже» [3, с. 360]. Интегративную теорию права стоит воспринимать не как завершенное теоретическое построение, а в смысле постоянно возобновляемого дискурса о праве с учетом потребностей юридической практики и соответствующего этапа развития общества. Мудрым является предостережение О.Э. Лейста: «Наоборот, каждое из них [концепций права] необходимый противовес другим, что не дает впасть в крайность, уйти за пределы права к незаконию и произволу. Суть в том, что между крайними точками зрения трех концепций находится не истина, а сложнейшее явление — право» [11, с. 8]. Поэтому истинное представление о праве не просто рождается в споре, а постоянный диалог об этом социальном явлении представителей различных точек зрения и является условием адекватного восприятия права, его оценки с точки зрения нравственности и справедливости, но с учетом возможностей и реалий правового регулирования.

Библиографический список

1. Честнов И.Л. Право как диалог: к формированию новой онтологии правовой реальности. — СПб., 2000.
2. Байтин М.И. Сущность права (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков). — Саратов, 2001.
3. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. — М., 1986.
4. Нерсесянц В.С. Общая теория права и государства. — М., 2000.
5. Нерсесянц В.С. Философия права Гегеля. — М., 1998.
6. Протасов В.Н. Правоотношение как система. — М., 1991.
7. Остин Дж. Три способа пролить чернила : Философские работы. — СПб., 2006.
8. Пьянов Н.А. Государственное регулирование как самостоятельная научная проблема // Журнал российского права. — 2012. — № 5.
9. Мартышин О.В. Основные проблемы теории государства и права и истории политических и правовых учений // Труды МГЮА. — 2001. — № 7.
10. Тарасов Н.Н. Методологические проблемы юридической науки. — Екатеринбург, 2001.
11. Лейст О.Э. Три концепции права // Государство и право. — 1991. — № 12.
12. Тарасов Н.Н. Методологические проблемы современного правоведения : автореф. дисс. д-ра юрид. наук. — Екатеринбург, 2002.